

«НЕПРИЯТИЕ ИДЕЙ ИВАНА ИЛЬИНА ЛИБЕРАЛАМИ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ТОЛЬКО ОБ ИХ НЕОБРАЗОВАННОСТИ»

ИНТЕРВЬЮ С ИГОРЕМ ЕВЛАМПИЕВЫМ

*Доктор философских наук, профессор Института философии
Санкт-Петербургского государственного университета,
историк русской мысли*

Любовь Ульянова: Уважаемый Игорь Иванович, на Ваш взгляд, Иван Ильин — в первую очередь, философ или философствующий публицист?

Игорь Евлампиев: На мой взгляд, Ильин, прежде всего великий русский философ. Но как всякий великий мыслитель, он не мог не откликаться на «злобу дня», ведь вокруг происходили трагические события, которые переживала Россия и вся Европа в первой половине XX века. Поэтому его публицистика является непосредственным продолжением его философии. Также нужно учесть, что по своему образованию он был юристом, специалистом по философии права и государства, поэтому для него было совершенно естественным обращение к философскому анализу политических процессов. Важно вспомнить и тот факт, что его непосредственным учителем в Московском университете был Павел Новгородцев, который вместе с целой плеядой ярких философов второй половины XIX — начала XX века (Б. Чичерин, К. Кавелин, С. Муромцев, П. Струве, Л. Петражицкий, Е. Трубецкой, С. Франк, Н. Алексеев), принадлежал к очень глубокой и оригинальной школе русского либерализма. Так что, оценивая политические взгляды Ильина, мы и его должны признать сторонником либеральной политической

модели общества и государства — причем не только до эмиграции. Достаточно прочитать его главный труд по философии права, книгу «О сущности правосознания», или позднюю работу из сборника «Наши задачи», «О творческой демократии», чтобы убедиться в этом. Как для всякого либерала, для него важнейшей ценностью, которая должна учитываться при организации государства, является свобода отдельной личности. Но при этом свобода личности может пониматься (и понималась в истории) очень по-разному, это и приводит к возможности разных вариантов либерализма.

ПО ИЛЬИНУ, ЦЕННОСТЬ СВОБОДЫ ОТДЕЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ ЕСТЕСТВЕННЫМ ОБРАЗОМ ДОПОЛНЯЕТСЯ ЦЕННОСТЬЮ ГОСУДАРСТВА

Любовь Ульянова: А по каким причинам тогда политические взгляды Ильина и обращение к нему президента Путина в своих выступлениях вызывают столь резкую реакцию либеральной общественности?

Игорь Евлампиев: Неприятие идей Ильина нашей «либеральной общественностью» свидетельствует только о глубокой необразованности этой «общественности». Они смотрят в рот западным идеологам и бездумно повторяют их «либеральные» формулы, даже не пытаясь понять, каковы философские основания этих формул, а значит — и политической идеологии. Современный западный либерализм — это прямой наследник классического западного либерализма XVIII века, который

«Русский научный институт в Берлине», 1924 г.

основывался на самой примитивной философской основе — английском эмпиризме (Дж. Локк, Д. Юм) и механистическом материализме просветителей (Гельвеций, Гольбах, Руссо и др.). Эта идеология исходит из абсолютно ложного убеждения в самодостаточности изолированного «социального атома» — человеческой личности; отсюда следует, что государство понимается как форма «добровольного» объединения личностей, т.е. его существование полностью подчинено интересам отдельной личности (теория «общественного договора»). Получается, что никаких общих, «возвышенных» целей государство не имеет права формулировать (это «тоталитаризм»). Но отдельные личности в своем подавляющем большинстве преследуют весьма не возвышенные цели, которые успешно навязываются даже тем, кто хотя бы чуть-чуть возвышается над средним уровнем. Результатом становится прогрессирующая культурная деградация общества.

Еще более глубокий порок этой формы философии и основанной на ней политической модели заключается в том, что здесь свобода человека понимается исключительно как внешнее свойство — как отсутствие внешних ограничений

в акте выбора между различными поступками и вариантами поведения. Никакой внутренней свободы в человеке эмпиризм не видит, поскольку она связана с такими эмпирически неверифицируемыми понятиями, как душа, дух, духовность. Главный парадокс западного либерализма состоит в том, что провозглашая человеческую свободу абсолютной ценностью, он выстраивает политическую систему, которая очень эффективно манипулирует этой свободой — ведь внешняя свобода целиком определяется теми вариантами поведения, которые заданы внешней средой, и они не зависят от самой личности, а навязываются ей. Этот парадокс давно был проанализирован и в философской, и в политологической литературе (из русских мыслителей об этом писали, например, Чичерин и Новгородцев). А современная западная либеральная система навязывает всем представление о собственной абсолютной «исключительности» и безальтернативности, поэтому никто на Западе просто не хочет знать о возможности иных точек зрения. Если хотите, это самая тонкая форма духовного тоталитаризма, очень эффективно подавляющего внутреннюю свободу человека и при этом доказывающая ему,

Эмпиризм — философское направление, видящее в опыте единственный источник познания. В отличие от рационализма, эмпиризм выводит всеобщий и необходимый характер знаний не из самого ума, а из опыта.

что он «свободен» — ведь он имеет возможность выбирать в магазине среди 20 вариантов штанов те, которые ему по вкусу.

Любовь Ульянова: *Есть ли у самого Ильина понимание этих особенностей западного либерализма?*

Игорь Евлампиев: Да, подобная критика западного либерализма присутствует в трудах Ильина. Однако он показывает, вслед за своими русскими предшественниками, что возможна иная форма «демократии» (термин «либерализм» он не любит, понимая, что он ассоциируется только с западной моделью) — так называемая «творческая демократия». И эта модель основана на самой сложной и глубокой школе европейской философии — идеях Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и их последователей XIX и XX веков. Признавая, что главным измерением человеческой свободы является внутренняя свобода, свобода духовная, мы приходим к совершенно иным выводам об устройстве государства. Духовное измерение не разделяет, а соединяет людей. Поэтому главные качества человеческой свободы — это не самостоятельность и обособленность от всего остального мира, а, наоборот, ее неотъемлемая принадлежность национальной духовной культуре, обществу и государству, поскольку государство является необходимой внешней формой существования

культуры. Тогда главные задачи общества зависят не от произвольных, часто весьма низменных потребностей отдельной личности, а от ее духовного развития как части общей культуры. В этом случае ценность свободы отдельной личности естественным образом дополняется ценностью государства. Об этой «дополнительности» личности и государства особенно много писал Петр Струве. Но почему же тогда Ильин гораздо чаще в своих публицистических трудах говорит не о «творческой демократии», а о диктатуре — как форме политического устройства, необходимой для России? Ответ прост: для реализации принципов «творческой демократии» народ должен дорасти до определенного уровня культурного развития. Ведь главное условие существования такой политической модели — это достаточная степень внутренней свободы у личностей. По Ильину, коммунистическая система (как и западный либерализм) полностью уничтожает внутреннюю свободу, а значит, введение творческой демократии сразу после эпохи коммунизма просто опасно и приведет к анархии и долгой политической смуте. Поэтому он и был вынужден «конструировать» модели «мягкой» диктатуры (действительно, иногда смахивающей на фашизм), которая подготовила бы народ к переходу к демократии.

Любовь Ульянова: *Можно ли утверждать, что рассуждения Ильина о диктатуре в России оказались несоответствующими действительности?*

Игорь Евлампиев: Нужно признать, что здесь Ильин, к счастью, ошибся. Он недооценил возможность внутренней модификации самого коммунистического режима и изменения мировоззрения ее лидеров. «Оттепель» 60-х годов привела к тому, что тоталитарный коммунистический режим приобрел гораздо более «мягкую» форму, чем в 30–50-е годы. В результате поколения 70–80-х годов выработали в себе такую степень внутренней свободы и понимания общественной ситуации (в практике «кухонных» разговоров), которая вполне соответствовала требованиям ильинской «творческой демократии».

Любовь Ульянова: *Есть точка зрения, что существует два Ильина. Один — философ, автор учения о Гегеле и конкретности Бога и человека. Второй — идеолог, автор «О сопротивлении злу силой», «Наши задачи», чуть ли не фашист, представитель крайне правого течения русской эмиграции. Согласны ли Вы с таким утверждением?*

ТРУД ИЛЬИНА О ГЕГЕЛЕ – ЭТО ОДНО ИЗ ЛУЧШИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВО ВСЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

Экзистенциализм – (от позднелат. *existentia* – существование), или философия существования, – философское направление, возникшее накануне Первой мировой войны в России (Л.И.Шестов, Н.А.Бердяев), затем полутихийшее преимущественное развитие в Германии (М. Хайдеггер, К. Ясперс,) и в период Второй мировой войны во Франции (Ж.-П. Сартр, А. Камю, С. де Бовуар). В 1940–50-х гг. экзистенциализм полутил распро-
странение в других европейских странах. Своими предшественниками экзистенциалисты считают Б. Паскаля, С. Кьеркегора, М. Унамуно, Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше. Философия экзистенциализма акцентирует основное внимание на уникальности бытия человека, провозглашая его иррациональным. Экзистенциализм развивался параллельно родственным направлениям персонализма и философской антропологии, от которых он отличается, прежде всего, идеей преодоления (а не раскрытия) человеком собственной сущности и большим акцентом на глубине эмоциональной природы. Пик влияния экзистенциализма приходится на годы после окончания второй мировой войны и продолжается до конца 60-х гг. Экзистенциализм в то время являлся наиболее влиятельным философским направлением среди угажейся молодёжи и представителей гуманитарных профессий.

Игорь Евлампиев: Я уже сказал, что, на мой взгляд, философские и политические представления Ильина вполне согласуются между собой. Скажем, книга «Философия Гегеля как учение о конкретности мира и человека» вовсе не является, как думают многие, «кабинетным» трудом. Она писалась в 1914–1918 годы – в самые трагические годы русской истории! Мог ли Ильин, с его политическим темпераментом, заниматься чистой историей философии, не соотнося это с тем, что происходит вокруг? Конечно, не мог. В последних разделах своей работы он создал оригинальную философскую концепцию истории, согласно которой история – это поле битвы двух равноправных начал, начала добра и начала зла, причем носителями обеих сил является человек (каждый человек!). Именно человек находится в центре «трагедии мироздания», и именно от его усилий и его позиции в отношении добра и зла зависит судьба его самого, ход истории и даже будущее мироздания. На мой взгляд, труд Ильина – это одно из лучших произведений во всей европейской философии XX века, оно формулирует такое понимание человека и его задач в мире, которое очень близко к системе идей европейского экзистенциализма. Вторая его большая книга «О сопротивлении злу силою» является совершенно естественным продолжением работы о Гегеле, здесь более конкретно разрабатывается этика «борьбы со злом» и ответственности каждого человека за состояние дел в истории, и эта этика также чрезвычайно похожа на этику французских экзистенциалистов (Сартр, Камю). Так что Ильин

в этих работах предстаёт как философ, органично вписывающийся в общеевропейский философский процесс. Но ведь если философ доказывает, что каждый человек способен влиять на историю, если он призывает каждого не быть равнодушным к происходящему вокруг, участвовать во всемирной борьбе сил добра и зла, то может ли он сам стоять в стороне от этой борьбы?

Любовь Ульянова: Расхожее клише по отношению к Ильину – что он фашист, но насколько это уникально для русской эмиграции (в сравнении, скажем, со Струве, Бердяевым, Мережковским)?

Игорь Евлампиев: Конечно, самые резкие обвинения вызывают работы Ильина, где он прямо высказывает поддержку фашизму. Но в каком историческом контексте они писались? Самое большое сочинение – это «Письма о фашизме», где Ильин признаёт фашистский проект Муссолини удачной формой противостояния коммунистической угрозе в Италии. Но ведь он писал это во второй половине 20-х – начале 30-х годов, когда Муссолини не совершил никаких серьёзных преступлений, он установил авторитарный режим, который сумел стабилизировать Италию, предотвратить в ней события по типу русской революции. Ужасные последствия этой революции были общеизвестны, а к чему может привести дальнейшее развитие фашистского движения, ещё мало кто понимал. Более резко выглядит статья Ильина «Национал-социализм» (1933), где он приветствует приход Гитлера к власти и даже полу-одобряет первые законы, ограничивающие права евреев. Но, повторяюсь, люди той эпохи

чаще всего выбирали не между хорошим и плохим, а между плохим и очень плохим. Ильин не мог думать ни о чем ином, как только о чудовищной, кровавадной сущности большевистского режима, уже уничтожившего миллионы людей в России и нацелившегося на всемирное господство. Поэтому все, что выглядело как противодействие этой угрозе, он приветствовал, отстраняясь от «мелких» недостатков. Сам Ильин признал свою ошибку в отношении фашизма — он не пошел на сотрудничество с режимом, открыто отказался следовать инструкциям в части пропаганды против евреев, и в итоге потерял работу преподавателя Русского научного института в Берлине. Позже он весьма резко и здраво критиковал фашистскую идеологию в своих публицистических статьях. Здесь я не могу не заметить, что особенно яростно обвиняют Ильина за его якобы «фашизм», как правило, те, кто почему-то не могут разглядеть откровенно нацистскую сущность режима, который был установлен на Украине в 2014 году. «Обвинения» Ильина в фашизме от людей этого круга — это грубая форма пропаганды, и ничего более. А серьезные исследователи должны внимательно исследовать эту проблему, без

всяких истерик. Как это делается, например, в отношении Хайдеггера. Действительно, симпатии к фашизму в ту эпоху высказывали очень многие известные русские эмигранты, мнение о нем, как о «меньшем зле», чем коммунизм, было тогда очень распространено. В качестве примера могу привести менее известный, чем «фашизм» Ильина, но гораздо более неприятный факт: летом 1941 года, сразу после нападения Гитлера на СССР, Дмитрий Мережковский в радиоинтервью высказал одобрение «крестовому походу» Германии против большевизма — он надеялся, что в результате, наконец, будет ликвидирован ненавистный ему режим в России.

Любовь Ульянова: Владимир Путин в своих выступлениях ссыался на понимание свободы Ильиным, оно есть во многих ранних работах философа (например, о Фихте). Как Вы можете охарактеризовать понимание свободы Ильиным?

Игорь Евлампиев: Главное здесь — это понимание различия внешней и внутренней свободы. Понимание того, что внутренняя, духовная свобода есть сущность человека, а внешняя свобода — только формальное, дополнительное качество. Поэтому западный либерализм пре-

Девять «Писем о фашизме» И.А. Ильина были опубликованы в парижской газете «Возрождение» в 1925-26 гг. Ильин написал их после пребывания в Италии, где работал над книгой «О сопротивлении злу силою».

Мартин Хайдеггер (1889-1976) – немецкий философ-экзистенциалист. С 1928 по 1945 – профессор во Фрайберге, затем в Брейсгау. Основные работы: «Бытие и время» (1927), «Кант и проблема метафизики» (1929), «Введение в метафизику» (1935), «Учение Платона об истине», «Письмо о “гуманизме”» (1947), «Путь к языку» (1959), «К делу мысли» (1969). В основу своей философской системы Хайдеггер положил анализ человеческого существования. Основные темы философии Хайдеггера: критика массовой культуры и «технической цивилизации», преодоление метафизики и метафизического способа мышления, переосмысление вопроса о бытии, поиски языка, способного выразить бытийные феномены мира.

вращает человека в «механизм» материальных потребностей. А внутренняя, духовная свобода — это и есть божественное измерение в нас, и только это и нужно понимать под именем «Бог» в той неканонической, свободной религиозности, которой был привержен Ильин в молодые годы.

Любовь Ульянова: Многие утверждают, что Бердяев — это философ свободы, а Ильин — философ силы. Согласны ли Вы с тезисом, что Ильин — это философ, который лучше всех понимал связь свободы и силы?

Игорь Евлампиев: Я полностью согласен с тем, что Ильин очень глубоко понял соотношение свободы и силы, взаимосвязь внешней и внутренней свободы, а также противоречие, имеющееся между ними. Этому и посвящена книга «О сопротивлении злу силою». Здесь прямо утверждается, что внутренняя свобода — это главное в человеке, но Ильин обращает внимание на то, что по трагическим особенностям нашего бытия, мы всегда больше имеем дело с внешней свободой другого человека. Работа Ильина также посвящена в большей степени проблеме согласования наших волей в сфере внешней свободы. Но когда его обвиняют в том, что он не видит внутренней духовной сущности человека, это, конечно, неверно; нужно очень невнимательно читать эту книгу, чтобы прийти к такому выводу. Могу согласиться и с тем, что Бердяев в своих трудах почти всегда говорит о внутренней свободе, в этой части его идеи очень правильны и интересны, но он как раз не заме-

чает необходимости как-то согласовать требования внутренней и внешней свободы. Я бы сказал, что Бердяев — это философ внутренней свободы, а Ильин — это философ, который очень тонко видит оба слагаемых свободы и точно показывает их диалектическое соотношение. В этом смысле позиция Ильина мне представляется более глубокой. Хотя не во всех случаях «спор» между Ильиным и Бердяевым заканчивался в пользу первого. В таком принципиальном вопросе, как пути избавления России от большевизма Бердяев оказался ближе к истине. Ильин считал, что большевики и коммунисты держатся у власти только благодаря грубой силе. Бердяев же полагал, что большевизм укоренен в национальном сознании русского народа, поэтому его нужно «внутренне» изжить.

Любовь Ульянова: В русской философии нередко присутствует оправдание насилия в форме войны (Соловьев, Достоевский). Можно ли утверждать, что при этом оправдание жандармов, контрреволюции, всей духовной сущности контрреволюции (работа «О сопротивлении злу силою») — это явление исключительное?

Игорь Евлампиев: Те «скандальные» идеи, которые высказывает Ильин в своей книге (оправдание смертной казни, контрреволюции, полиции и т.п.), на самом деле, не представляют из себя ничего особенно уникального в русской философской традиции. Эти идеи можно найти у Тютчева, Чичерина, Достоевского, Соловьева, Леонтьева и др.